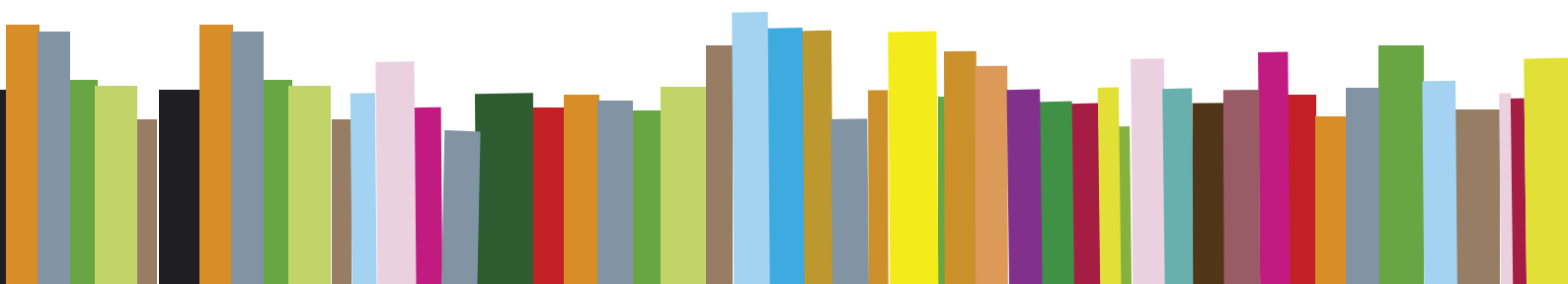

1978-2008
NORLA
Два
Эссе о
Норвежской
литературе
Зарубежом

Норвежская художественная литература с 1978 по 2008 г.

Ингунн Экланн

Об авторе:

Ингунн Экланн – кандидат филологических наук, специалист по скандинавской литературе. Она работает литературным критиком в газете «Афтенпостен». В 1997 г. Экланн была удостоена премии Норвежского союза критиков.

Лe monde de Sophie. Sophie's world. Мир Софии. Когда ты родом из страны, где едва набирается пять миллионов жителей, испытываешь странное чувство, видя, как люди в самых разных точках земного шара – в московском метро или на пляже Бонди Бич в Сиднее – читают книгу, оригинал которой написан на твоём родном языке. А в середине девяностых такое бывало нередко. В 1995 г. «Мир Софии» Юстейна Гордера стал самой продаваемой книгой в мире. Всего она переведена на более чем 50 языков.

Роман «Мир Софии» проложил норвежской литературе путь в большой мир, – то, с каким интересом во многих европейских странах встречаются книги из крохотной северной страны, достойно удивления. В равной мере это относится и к драматургу-экспериментатору Юну Фоссе, и к плодовитым авторам детективного жанра Карин Фоссум и Унни Линделл. Правда, ни одна книга так и не побила рекорда продаж «Мира Софии», однако в настоящее время права на перевод романа «Пора уводить коней» (Ut og stjele hester) Пера Петтерсона проданы в 42 страны мира. Совсем недавно я видела, как этот искренний и проникновенный роман читают в нью-йоркском Центральном парке.

Хотя международный успех пришел к норвежской литературе каких-то 10-12 лет назад, его предварила серьезная работа. Начиная с 1965 г. в Норвегии проводится щедрая и

продуманная политика в отношении литературы – романов, новелл, лирики. Ежегодно государство закупает тысячу экземпляров каждой книги, выпускаемой серьезным издательством. Книги поступают в народные библиотеки по всей стране. В 1978 г. было основано государственное литературное агентство NORLA («Норвежская литература за рубежом»). За пятнадцать лет деятельности под руководством Кристин Брюдсволл NORLA открыла миру многих норвежских авторов, а поколение писателей, дебютировавших в середине девяностых, довольно быстро обрело читателей в других странах. Эрленд Лу, Туре Ренберг, Ханне Эрставик, Линн Ульман, Карл Уве Кнаусгор, Николай Фробениус и Труде Марстейн одними из первых писателей в норвежской истории испытали на себе, что иностранные издательства и читатели интересуются творчеством столь молодых зарубежных авторов.

Норвежской художественной литературе созданы самые благоприятные условия. Что это, результат прогрессивной государственной политики в области культуры или логическое следствие того, что Норвегия является государством всеобщего благосостояния? Первое – вероятно, второе – больше похоже на правду. В Норвегии есть средства, чтобы публиковать самые разнообразные тексты на языке, которым владеют лишь норвежцы. Художественная литература занимает прочные позиции в общественной жизни,

а условия жизни писателей лучше, нежели у их коллег в большинстве стран, с которыми естественно проводить сравнение. Из всех скандинавских стран государственную программу поддержки иностранных переводчиков раньше Норвегии учредила только Финляндия.

Государство всеобщего благосостояния – это не только внешние условия, в которых творит писательское сословие, но и лейтмотив многих художественных произведений. Хорошо известно, что авторитарные режимы зачастую порождают в литературе непримиримый протест. Однако тот же самый феномен мы наблюдаем и в государстве всеобщего благосостояния. Общественное устройство не избегает критики только потому, что государство поддерживает любые формы творческого самовыражения. Когда самый значительный за последние тридцать лет писатель Даг Сульстад анализирует духовное состояние нашего общества, он обнаруживает, что «наше время представляется абсолютно беспросветным». Конечно, это один из его знаменитых парадоксов. Но такой взгляд характерен для творчества Сульстада в целом, а оно, в свою очередь, открывает нам интересные аспекты в норвежской литературе 1978-2008 гг.

Даг Сульстад дебютировал в 1965 г. Начиная с «Патина! Зеленая!» (Irr! Grønt!, 1969) и заканчивая романом «Арманд В. Сноски к

захороненному роману» (Armand V. Fotnoter til en uutgravd roman, 2006) писатель создал целую галерею персонажей, которые не вписываются в социал-демократическое общество потребителей и стараются любым способом вырваться из его тисков. Эти мизантропы считают норвежское общество ограниченным и невежественным, губящим любое проявление духовности. Стиль Сульстада иногда называют довольно тяжелым канцеляритом, изобилующим сложными запутанными предложениями. Но этот стиль сразу узнаёт любой интересующийся литературой норвежец. Под покровом безысходности в произведениях Сульстада кроется комизм и сатира. В 1982 г. писатель издал один из самых комичных романов во всей послевоенной литературе «Рассказ учителя гимназии Педерсена о великом политическом пробуждении, которого сподобилась наша страна» (Gymnaslærer Pedersens beretning om den store politiske vekkingen som har hjemstøkt vårt land). Книга ознаменовала смену двух идеологических эпох на рубеже семидесятых-восьмидесятых годов. Анализ умонастроений норвежской интеллигенции в семидесятые, проникнутый глубокой симпатией и иронией, свидетельствует о назревшей необходимости смены литературной парадигмы. В наши дни просто не верится, что в этот период лучшие представители студенчества и интеллигенции миролюбивой провинциальной Норвегии становятся воинствующими коммунистами. Молодые авторы

пишут восторженные книги об Албании и строят планы вооруженного восстания против норвежского социал-демократического режима. «То, что, казалось, должно было бы превратиться в Норвегии в слабый отголосок международного движения 1968 г., пустило здесь корни, причем корни куда более глубокие, нежели в любой западноевропейской стране», – пишет Сульстад в «Рассказе учителя гимназии Педерсена...».

Китай, Советский Союз и Камбоджа воспринимались как непререкаемый идеал, а само движение существенным образом сказалось на научной и культурной жизни страны. Главным эстетическим критерием в литературе стал утилитаризм: произведение должно было отражать интриги власть имущих, борьбу за равноправие между полами и политическую несправедливость, а также указывать путь к построению лучшего общества.

Поэтому восьмидесятые годы стали переломными для норвежской литературы. Оглядываясь назад, нет более благодарной миссии, нежели как приурочить «новую литературу» именно к этому периоду, – едва ли когда-либо до этого молодое поколение писателей встречали с такой симпатией. В это десятилетие писатели единодушно выступали за литературу как свободное творческое самовыражение. Тогда зарождается норвежская панк-поэзия Синди Хауг и Гене Далбю, Сесилие Лёвейд пишет

свои первые экспрессионистические драмы, Тур Ульвен создает одни из самых прекрасных стихотворений во всей послевоенной поэзии. Однако внимание общественности больше всего привлекает проза. Хербьёрг Вассму становится знаменитой, благодаря своей трилогии о Торе, девочке, рожденной норвежкой от немецкого солдата во время войны и ставшей впоследствии жертвой инцеста. Роман Ларса Соби Кристенсена «Битлз» (Beatles) сразу же становится бестселлером, и до сих пор остается одной из самых популярных и захватывающих книг в норвежской подростковой литературе.

Восьмидесятые – это время творческого поиска и экспериментальной прозы, выходящей из-под пера таких писателей-интеллектуалов как Ян Хьэрстад, Хьартан Флэгстад, Улле Роберт Сунде, Свейн Ярволл и Юн Фоссе. Имя Яна Хьэрстада в первую очередь ассоциируется с понятием «норвежский постмодернистский роман». В 1980 г., получив образование теолога, писатель выпустил свой первый сборник новелл «А шар земной тихо крутится» (Kloden dreier stille rundt). Будучи главным редактором журнала «Виндуэт» («Окно») в период с 1985 по 1989 г. Хьэрстад способствовал интерпретации идеалов классического европейского модернизма в контексте современного информационного общества. Его собственные романы – это одновременно всеохватные и фрагментарные истории, в которых

постоянная смена перспективы подрывает представление о существовании правдоподобной и единственно возможной версии толкования действительности. Для отношений между персонажами характерно чередование правды и лжи, игры и искренности. Его книгам свойственен и настоящий энциклопедизм, – в них присутствуют ссылки и аллюзии на различные области знания: архитектуру, музыку, естественные науки. В современном информационном обществе разворачиваются и перипетии романа Хьертана Флэгстада «Седьмой климат» (Det 7. klima), но сюжет этой книги развивается скорее в бурлескной манере. Информационное общество становится объектом пародии и сатиры, а события романа походят на тщательно воссоздаваемую иллюзию. Если в творчестве Хьэрстада завораживает сам эксперимент, то для Флэгстада больше характерен нарочитый эстетизм.

Писатели восьмидесятых были настоящими первопроходцами. Но предугадать, в каком жанре будет создан настоящий шедевр невозможно. Свои личные предпочтения я отдаю сборнику классических минималистских новелл Хьелля Аскильдсена «Последние записки Томаса Ф., сделанные им для человечества» (Thomas F's siste nedtegnelser til almenheten). Когда эта книга вышла в 1983 г., Аскильдсен (род. 1929 г.) был уже настоящим ветераном норвежского новеллистического жанра. В рассказе «Томас Ф.», давшем

название всему сборнику, он создал один из самых проникновенных портретов в норвежской послевоенной литературе. Герой, старый брюзга Томас Ф. с презрением и негодованием отзывается об окружающем мире и тех немногих людях, с которыми он еще поддерживает какие-то отношения. Аскильдсен наделил Томаса остроумием и нетерпимостью, но сама новелла начисто лишена претенциозных жестов или эмоциональной символики. Не смея признать этого, сам Томас в душе надеется, что кто-то проявит к нему человеческое участие. Такая литература творит реальность, – глядевшись в образ Томаса, читатель может лучше осознать свои внутренние противоречия. Поражает и изысканная простота и утонченность стиля. Писателей-новелистов в Норвегии немного, к тому же Аскильдсен поднял планку достаточно высоко, и молодые писатели не могут с этим не считаться. В какой-то мере это относится и к Мерете Линстрём, дебютировавшей в 1983 г. и с тех пор издавшей несколько сборников рассказов.

Какие книги с успехом путешествуют по миру? Какая литература апеллирует к, так называемым, общечеловеческим ценностям? Мы, норвежцы, уже поняли, что это может быть все, что угодно, и совсем необязательно национальные кумиры. Дага Сульстада впервые перевели на английский только в 2000 г., а наш самый знаменитый поэт послевоенного времени Стейн

Мерен переводится очень редко. И наоборот. Кто мог предсказать, что суховатый роман о философии станет в 1995 г. мировым бестселлером? Также никто не мог предугадать, что бескомпромиссный экспериментатор из западно-норвежской деревеньки станет мировой знаменитостью. До сих пор соотечественники Юна Фоссе относятся к его успеху с известной долей недоверия. Юн Фоссе начал карьеру драматурга в период, когда норвежская и европейская сцена нуждалась в новых пьесах на современную тему. И сейчас его драмы пользуются спросом не только в Европе. В то же время, Фоссе до своего дебюта в качестве драматурга в 1993 г. издал несколько романов и сборников стихов. И он по-прежнему работает в нескольких жанрах, – пишет драмы, поэзию, прозу, детскую литературу.

Экспериментальную литературу зачастую считают сложной для восприятия. Успех Фоссе за границей, возможно, объясняется тем, что его эксперименты понять довольно просто. В основе его творчества лежит ощущение, что язык далеко не в полной мере выражает человеческие чувства. Язык – это нечто грубое, закостеневшее и ограниченное по сравнению с неиссякаемым циклическим потоком ассоциаций, характерных для нашей внутренней жизни. В произведениях Фоссе этому потоку сознания присущи повторы, ритм и суггестивность, в нем кроются ощущение беспокойства и мысли, будто бы засевшие в нашем теле. Контраст между диалогом и внутренним монологом колоссален. Именно

эту дисгармонию он и пытается истолковать в своих произведениях, раз за разом. Попытки передать телесные ощущения средствами литературы, возможно, и выражают то самое «общечеловеческое» в творчестве Фоссе. А когда человеческие силы иссякают, их место занимает природа, – как язык и смысл. Всем произведениям Фоссе присуща некая приземленная музыкальность.

Вероятно, еще рано оценивать литературу девяностых с позиций потомков. Однако самое время задаться вопросом, сумела ли литературная Норвегия поставить знак равенства между успехом и качеством. За девяностые годы мы привыкли думать, что в Норвегии первоклассная, интересная и важная литература. Но так ли это?

Безусловно, это не совсем так для норвежской поэзии, которая в последние пятнадцать лет переживала сложный период. Несмотря на такие таланты, как Туне Хёднебё, Стейнар Опстад и Гуннар Вэрнесс, в норвежской поэзии не произошло заметного обновления жанра. Или вернее, обновление шло в рамках довольно эксклюзивной эстетики с упором на кропотливое языковое творчество. Кроме всего прочего, писательское сословие в Норвегии довольно однородно: белые коренные норвежцы пишут о белых же коренных норвежцах. Иммигранты появились в Норвегии сравнительно недавно, и хотя общество постепенно становится мультикультурным, литературы это едва ли касается.

Привсей своей однородности, писательское сословие представляет вниманию читателя весьма разнообразную литературу. Девяностые годы стали золотым временем для норвежского романа, причем разных его типов. Здесь и популярная историческая проза, такая как «Псалом в конце пути» (Salme ved reisen slutt) Эрика Фоснеса Хансена, и семейная хроника «Победители» (Seierherrene) Роя Якобсена. Комический наивизм, истоком которого стал «Наивно. Супер» (Naiv. Super) Эрленда Лу, отдающий клаустрофобией поиск себя в романах Ханы Эрставик, символический психологизм «Стыда» (Skammen) Бергьот Хубек Хафф или документальные романы Турвалда Стеена. Трагикомичные описания детства и юности Туре Ренберга, бесстрастные портреты Туре Марстейн или стилистически отточенные детективные сюжеты Унни Линделл, Ю Несбё и Карин Фоссум. «Святая и грешница» (Kvinnen som kledde seg naken for sin elskede) Яна Висе – довольно нетипичная книга для норвежской литературы – чувственное напряженное повествование, явно претендующее на роль бестселлера. В начале нового тысячелетия ни с чем не сравнимого успеха у широкого читателя достигла Анне Б. Рагде, и не в последнюю очередь ее роман «Тополь берлинский» (Berlinerpørlene). На языке меньшинства, нюнорске, также создается замечательная литература. Кроме Хьяртана Флэгстада, Юна Фоссе и Фруде Грюттена на нюнорске пишут такие юные таланты, как Олауг Нильссен, Карл Фруде Тиллер,

Гуннхильд Эйехауг. Нюнорск создан на основе на норвежских диалектов, в то время как букмол, является оноврежденной формой датского письменного языка. Все норвежские школьники учат оба языка, но все же в жизни общества преобладает букмол.

Учиться на писателя в Норвегии стали довольно поздно. В 1982 г. известная поэтесса Эадрид Лунден открыла первую школу для писателей. Авторы, дебютировавшие в девяностые, – первое поколение, получившее систематическое образование литератора. Вопрос о том, в какой мере это приводит к эстетической стандартизации, до сих пор обсуждается в Норвегии. Как бы то ни было, в основу методики обучения легли творческие поиски восьмидесятых. Кроме того, проза, претендующая на соблюдение литературоведческих канонов, больше привлекает требовательного читателя.

Часто говорят, что писатели, дебютировавшие в девяностые, – это поколение, пережившее в детстве развод родителей, и потому передающее в литературе свой опыт жизни в осиротевшей семье и нехватки родительской любви. Возможно, тема семьи и не является репрезентативной для литературы в целом с точки зрения эстетики. Такую литературу стоит читать с точки зрения развития постмодернистского общества, как это делает профессор Пер Томас Андерсен в своем замечательном сборнике эссе «В водорослях мыслей. О норвежской литературе девяностых годов» (Tankevaser.

Om norsk 1990-talls litteratur). Андерсен считает девяностые годы новым fin de siècle, когда в момент «краха великих эпических форм» литература демонстрирует разные модели выживания. Так называемый литературный перформанс предполагает позерство и инсценировку, или же выбирается другая стратегия – бегство от мира и нарциссизм.

Одно из самых ярких произведений девяностых, роман Ханны Эрставик «Любовь» явно содержит в себе элементы нарциссизма. Писательница дебютировала в 1994 г. со сборником коротких текстов и с тех пор издала семь романов. Однако «Любовь» (Kjærlighet, 1997) стала самым успешным ее произведением. Это небольшой проникновенный роман об отношениях матери и сына, в котором писательница без преувеличенных эмоций затрагивает одно из важнейших табу нашего времени – безразличие матери к собственному ребенку.

Персонажи Ханы Эрставик в силу своей профессии могут влиять на личную жизнь других людей. Они работают социальными работниками, священниками, писателями, педагогами, но это не позволяет им лучше понимать человеческие чувства. Главная героиня «Любви» – работник культуры в районной администрации в Северной Норвегии. Она постоянно провозглашает такие ценности, как доверие, благоприятная обстановка, деятельное участие, но сама чувствует

по отношению к своему восьмилетнему сыну Юну лишь раздражение. Незаметно посреди северной полярной ночи разыгрывается настоящая человеческая драма, и писательница показывает, что вся гуманистическая демагогия остается только на поверхности, а настоящей целью является самоутверждение и самовосхваление. Показная искренность прекрасно скрывает агрессию и презрение. В более явном и экстремальном виде этот неонарциссизм изображается в творчестве Хелене Ури. В романе «Темно-красный 315» (Dyr rød 315) героиня оценивает своих знакомых и окружающие обстоятельства по принципу кто и что ей «к лицу» и позволяет ей предстать в наиболее выгодном свете.

Труде Марстейн связывает нарциссизм с тем, что мы называем гиперрефлексией. Ее персонажи получили в скандинавском государстве всеобщего благосостояния наилучшее воспитание и образование, но умственный труд, похоже, сделал их эмоциональными инвалидами. В своих книгах Марстейн безжалостна, она пишет в интеллектуальном жестком стиле, словно вспышки прожектора высвечивающем кризисную ситуацию на короткие убийственные мгновения. Она из тех писателей, что, кажется, коллекционируют так называемые красивые литературные метафоры, чтобы затем безжалостно вывернуть их наизнанку. В романе «Вдруг слышишь: кто-то открывает дверь» (Plutselig høre noen åpne en dør) она изображает суперсознательную и

вызывающую смешанные чувства мать-одиночку, которая непрестанно анализирует собственную дочь и свое отношение к ней, соблюдая критическую дистанцию. Это женщина во власти идиосинкразии целиком и полностью замкнута на себя и поглощена работой над диссертацией.

Бегство от мира, ностальгия и мизантропия – вот отношение к жизни, пронизывающее творчество Туре Эрика Лунда. И в романах, и в эссе писатель буквально четвертует современную Норвегию. На настоящий момент Лунд – один из наших самых своеобразных писателей. Трилогия «Мистерия в кювете» (Grøftetildragelsesmysteriet), «Люди из Эльвестенга» (Elvestengsfolket) og «Уранофилия» (Uranophilia) – это портрет не нашего места в жизни интеллигента на грани нервного срыва. Рваный и стремительный стиль Лунда возможно сложен для перевода, но его творчество определенно заслуживает внимания широкого читателя. В его последнем романе «Внутри» (Inn) главный герой издевательски насмехается над молодежью, кафе-латте, гламурным миром знаменитостей, повальным увлечением блогами, теоретиками гомосексуальности и простыми норвежцами, – и это лишь краткий перечень. А когда интеллектуалы-невротики Лунда не находят себе места в наэлектризованном обществе всеобщего благосостояния, они могут мечтать об утраченных ценностях старинного крестьянского уклада. С антиутопией в творчестве

Лунда соседствует представление об искусстве как свободе от механистичности общественных отношений; именно способность находить такие суггестивные свободные зоны и делает его значимым писателем.

Очевидно, что норвежская литература вступила в эпоху трилогий. Под псевдонимом Абу Расул Матиас Фальдбаккен только что закончил последнюю часть «Скандинавской мизантропии 1-3» (Skandinavisk misantropi 1-3), один из самых примечательных литературных проектов в Норвегии за последние годы. Романы «Coca Nola Company», «Macht und Rebel» и «Unfun» нашпигованы спорадическими исследованиями государства всеобщего благосостояния, живя в котором главный герой прибегает к экстремальным действиям, дабы подвергнуть испытанию на прочность всеобщую терпимость. Но оказывается, что ни порнография, ни педофилия, ни нацистская символика не имеют в Скандинавии желаемого подрывного эффекта. Напротив, самые «экстремальные» идеи радушно встречаются и ассимилируются обществом. В таком обществе любая контркультура теряет силу, к великому несчастью и неудовольствию граждан, склонных к оппозиционерству. И будто бы подтверждая пророчество Фальдбаккена, его романы публика встретила с безграничным восхищением.

Карл Фруде Тиллер выпустил в прошлом году первый

том трилогии о молодом человеке, потерявшем память. «Осложнение» (Innsirkling) затягивает читателя в фиктивную действительность, постепенно порождая сомнения и в реальности происходящего, и в целях автора. Таким образом писатель заставляет читателя на себе ощутить состояние, в котором пребывают три героя книги. Они выдвигают совершенно разные версии своих собственных жизней, как, впрочем, и жизнью друг друга. «Осложнение» – это стилистически выверенный эксперимент, полный грусти и комизма.

Норвежский – это «малый» язык, явно испытывающий влияние английского. Директор Норвежского языкового совета Сьюлфест Ломхейм полагает, что через сто лет норвежский будет мертвым языком. Его пессимизм разделяют немногие, но одним из самых интересных экспериментов в новейшей норвежской литературе стал синтез западнонорвежского диалекта, английского, немецкого и французского. Речь идет о стихотворном сборнике «Солярис с поправками» (Solaris korrigeret) под редакцией Эйвинда Римберейда. Поэма, давшая название всему сборнику, представляет собой такое редкое явление как поэтическую научную фантастику. Действие поэмы происходит в 2480 г. Название отсылает читателя к известному фильму российского режиссера Андрея Тарковского, а роль рассказчика играет то ли работодатель, то ли руководитель ультрасовременных подводных роботов в Северном море. Читатель

не сразу понимает, что рассказчик, собственно то, что мы в наше время называем поэтом, поскольку в 2480 г. его «диагноз» звучит как «ein litl defect i venstr phantomic breyn-bark», – «микродефект в левом полушарии брейн-коры фантома». Римберейд сконструировал язык, который может показаться пугающим, но, тем не менее, его конструкции присуща внутренняя логика и красота. А вот как рассказчик описывает свой родной городок Ставгерсанн: «STAVGERSAND, ein nearli emti place midt i flowen af so mang cells, organics, konnects, pow og del-lovar. Men «beauti» dei seis her er, midt millom sand og fjellr». «Ставгерсанн – плейс вакуумированный, хоть и внутри стрима клеток, органоидов и коннектов, макси- и миди-лавстории. Зато, говорят, «бьютти», – среди песков и гор».

Уже сегодня многие иностранные читатели прекрасно понимают отдельные отрывки из «Соляриса с поправками». Возможно, лет через четыреста Норвегия и станет частью большого языкового континуума, а пока мы лишь небольшая страна на краю света, практически не рассчитывающая на то, что литература на ее «редком» языке привлечет внимание в России, США или Бельгии. Поэтому мы на секунду теряемся, когда видим, как «Пора уводить коней» читают в нью-йоркском Центральном парке, а «Любовь» – в московском метро.

Норвежская Нон-фикшн

Томас Хюланн Эриксен

Об авторе

Томас Хюланн Эриксен – профессор социальной антропологии Университета Осло и директор по научным исследованиям междисциплинарного исследовательского проекта «Многообразие культур в современной Норвегии». Он автор множества книг на английском и норвежском языках, которые переведены более чем на тридцать языков мира.

На родине норвежская нон-фикшн всегда находилась в центре внимания литературной общественности. Но в течение многих лет исследователи игнорировали этот факт, предпочитая заниматься более эффективной прозой или более престижной поэзией. Однако в последнее время ситуация начала меняться. И хотя львиная доля внимания средств массовой информации и наград по-прежнему достается романистам, авторы биографий, эссе, книг по истории, научно-популярных работ – если упомянуть только несколько жанров – постепенно нагоняют по популярности своих коллег из области изящной словесности. В 1998 г. под редакцией Тронда Берга Эриксона и Эгиля Бёрре Юнсена вышел в свет двухтомник, посвященный истории норвежской нон-фикшн, ставший плодом многолетних исследований. Этот труд получил многозначительное название: «История норвежской литературы: нон-фикшн с 1750 по 1995 г.» (Norsk litteraturhistorie. Sakprosa fra 1750 til 1995). Тем самым было пущено в оборот более широкое определение литературы, чем было принято ранее. В 2005 г. в Университете Осло открылась кафедра нон-фикшн, и в 2008 г. ее сотрудник, Юхан Тённесон опубликовал небольшую книгу, которую тут же взяли на заметку. Работа называлась «Что такое нон-фикшн?» (Hva er sakprosa?) Более того, в 2005 г. норвежское государство

решило распространить свою щедрую политику по закупке книг для национальных библиотек и на скромное число научно-популярных и публицистических книг.

Обычному читателю, вступающему в мир норвежской нон-фикшн, сразу бросится в глаза его оживленность и исключительное разнообразие. Учитывая малочисленность норвежского языкового сообщества (всего 4,5 млн.) можно только поражаться обилию современной нон-фикшн. В 2006 г. появилось 602 новых наименования (это если не считать учебников и научных работ), с разбросом тематики от экологического садоводства до постмодернистской кулинарии, от научной биографии до международного репортажа. Отечественная нон-фикшн составляет приблизительно 10 % всего книжного рынка страны. Если включить сюда и переводную литературу, то объем ее доли от общего количества ежегодно продаваемых книг (3,7 млн) составит 20 % (в расчеты не вошли издания в мягкой обложке).

Учитывая малочисленность населения Скандинавии, доля скандинавской литературы на мировом книжном рынке может считаться непропорционально большой. По статистике ЮНЕСКО, в списке самых переводимых языков норвежский занимает 16 место, опережая арабский. В период с 1978¹

¹ Все данные приводятся по статистике продаж Норвежской ассоциации книгоиздателей (Bransjestatistikk 2006, Oslo: Den norske forleggerforening). Статистика не может считаться полной, поскольку отражает только продажи членов ассоциации, тем самым игнорируя популярную, так называемую «бульварную» литературу.

по 2005 год с норвежского было переведено 9 419 книг. По количеству переводов с иностранных языков норвежский с 37 895 названиями книг занимает 15 место. Такой разрыв между экспортом и импортом характерен не только для Норвегии и является прямым следствием доминирующей роли английского языка в глобализованном мире: гораздо больше книг переводится с английского, чем на английский. В одной Норвегии с иностранных языков переводится почти столько же книг, сколько в Соединенных Штатах².

Принимая во внимание объем и разнообразие норвежской нон-фикшн, было бы сложно, если не сказать невозможно, выделить какие-то общие черты и тенденции. Вместо общего обзора я хотел бы подробнее рассмотреть несколько важных жанров, чтобы дать представление о некоторых особенностях данного литературного ландшафта. В этом контексте имеет смысл обратиться к культурной экологии переводов. Просматривая списки норвежских книг, переведенных за рубежом, которые составила NORLA (а до 2002 г. – MUNIN (государственное агентство по распространению норвежской нон-фикшн за рубежом) под руководством Элизабет Миддельтон), поневоле задаешься вопросом: почему некоторые книги, удостоившиеся хвалебных рецензий и сравнительно неплохо, а то и очень

хорошо продающиеся на родине, совершенно не привлекают внимания зарубежных издателей? К этому вопросу я еще вернусь.

Есть мнение, что никто не в состоянии лучше написать о норвежцах, чем сами норвежцы. Однако все чаще приходится убеждаться в том, что многие явления легче различить на расстоянии, чем в непосредственной близости. Отличным примером тому может служить авторитетная биография Кнута Гамсуна, принадлежащая перу Роберта Фергюсона (Ferguson, 1988). Или до сих пор во многих отношениях непревзойденная биография Хенрика Ибсена, написанная Майклом Мейером (Meuer, 1967-71). Этим иностранным ученым, нескованным местечковыми предрассудками, свойственными отечественным авторам, удалось прийти к обоснованным оценкам норвежской специфики, как раз в силу того, что эта норвежскость не являлась фактором их собственной личности.

Все же подавляющее большинство книг о норвежцах, норвежской географии и истории принадлежит перу норвежских авторов. Как правило, они пишутся для отечественного читателя. Складывается впечатление, что норвежский рынок просто не в состоянии насытиться книгами о национальных героях. Непрерывный поток изданий о канонических фигурах вроде Хенрика Ибсена,

Кнута Гамсуна, Сигрид Унсет и Эдварда Мунка, а также полярных исследователей Фритьофе Нансене и Руале Амундсене, составляет костяк отечественной нехудожественной литературы.

Несколько книг, появившихся в последние годы, заслуживают особого упоминания. Тур Буманн-Ларсен, историк-самоучка (и карикатурист), в девяностые годы (Bomann-Larsen, 1993, 1995) написал две объемные биографии Нансена и Амундсена. Обе книги отличаются серьезным исследовательским подходом и блестящим литературным стилем, а к дополнительным достоинствам можно отнести ненавязчивый юмор автора. Хотя Буманн-Ларсен с уважением относится к предмету своего исследования и в изложении фактов следует источникам, в то же время налицо явный отход от агиографического стиля, являвшегося общепринятым стандартом для этого жанра на протяжении многих лет.

Среди новейших исследований о Хенрике Ибсене хочется отметить двухтомную биографию молодого историка Иво де Фигурейдо (Figueiredo, 2006-2007), получившую безоговорочное одобрение как со стороны критиков, так и ученых. Это немалое достижение, принимая во внимание невероятный объем литературы по Ибсену, написанной за последние сто лет. Оригинальность подхода Фигурейдо

по большому счету заключается в том, что он решил написать историю культурной эпохи с Ибсеном в качестве главного героя. Книга Фигурейдо не ограничивается изложением биографии или хронологическим разбором пьес Ибсена, но в полном соответствии с интернациональными тенденциями биографического жанра, дает красочное изображение норвежского общества (в том числе и жизни норвежских деятелей культуры в Италии и Германии) второй половины XIX века. Автор также затрагивает важнейшие изменения в области идеологии, политики и экономики, заложившие предпосылки для основных тенденций века двадцатого.

Биография – это важный жанр, время от времени рождающий бестселлеры, норвежские же читатели предпочитают биографии, героями которых являются так же норвежцы. В Норвегии редко пишут биографии иностранцев, и еще реже они добиваются коммерческого успеха. В качестве исключения можно привести биографию Жана-Поля Сартра, написанную Дагом Эстербергом в 1993 г. Но его же биография Брамса, вышедшая в 2003 г. оказалась полным коммерческим провалом. Зато это в какой-то мере компенсируется тем, что норвежские знаменитости второго эшелона (а иногда и вообще неизвестные широкой публике личности) иногда становятся героями крупных биографических работ. К этой категории можно отнести подробные и богатые новыми

² Эти цифры взяты из Index Translationum, http://portal.unesco.org/culture/en/cv.phpURL_ID=7810&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

данными биографии, написанные Арилем Стубхаугом, героями которых стали математики Софус Ли (2000) и Нильс Хенрик Абель (1996), а также юрист и поэт Конрад Николай Сквак (2003). Сквак, в начале XIX века уважаемый и почитаемый поэт, был совершенно забыт в 1830-е годы, когда вниманием читателя завладели новые поэтические тенденции, воплотившиеся в соперничестве между Хенриком Вергеланном и Юханом Себастьяном Вельхавеном. До появления биографии Стубхауга, имя Сквака было практически незнакомо современным норвежцам.

Книги о норвежцах не ограничиваются описанием жизни великих покойников. Регулярно появляются портреты идолов поп-культуры, начиная с истории взлета интернационально популярной группы «А-ха» Хокона Харкета и Хеннинга Крамера Дала (1986) и заканчивая книгой-диалогом с актрисой и режиссером Лив Ульман, записанным писателем и композитором Кетилем Бьёрнстадом (2005). Естественно, огромное количество книг о местных знаменитостях – политиках, теледикторах или поп-певцах – неизвестных за рубежом, переводить за рубежом не будут. Все же культурная и языковая близость Норвегии с Данией и Швецией способствовала возникновению общего культурного поля, в условиях которого осуществляется быстрый и регулярный взаимообмен книгами и прочими продуктами культуры. Так что у чрезвычайно популярного в

Швеции явления есть все шансы стать популярным и в Норвегии, даже если в Германии о нем ничего и не слышали.

То, будут переводить книгу или нет, находится в прямой зависимости от места, которое данная книга занимает в международной экологии идей, и не обязательно имеет отношение к ее непосредственным достоинствам или недостаткам. Огромное количество в высшей степени достойных книг не находят дороги к иностранному читателю. Книги об участии Норвегии и норвежцев во Второй мировой войне, по-прежнему довольно активно представленные на отечественном рынке, редко способны привлечь внимание иностранца. Они нацелены на внутреннего потребителя, как и биографии политиков. Ничто не спасет книгу – ни серьезность научного подхода, ни познавательность, ни эlegantный стиль. Если ее предмет слишком тесно связан с местной спецификой или не может быть рассмотрен вне национального дискурса, ей не суждено пересечь границы своей культуры. Так, эпохальная работа по истории политики и идей в Норвегии, «Национальные стратеги» (De nasjonale strateger, 1998) Руне Слагстада, так и не была переведена. Теперь в любом исследовании, в любой дискуссии на тему возникновения современной Норвегии не избежать ссылок на этот поистине всесторонний труд (667 страниц крупного формата), однако за границей его появление прошло незамеченным.

Чтобы лучше проиллюстрировать факторы, обуславливающие существование или отсутствие интереса к книге о Норвегии и/или норвежцах за рубежом, приведем несколько примеров. Нередко переводятся книги о норвежцах, добившихся мировой известности, однако еще чаще они остаются существовать исключительно для внутреннего потребления. Исходя из этого, на первый взгляд может показаться удивительным, что книга Пера Эгиля Хегге о Фритьофе Нансене в 2007 г. была переведена на армянский язык (правда, это последовало сразу после перевода на русский в 2006). Откуда такой внезапный интерес? Книги Нансена и о Нансене публиковались и переводились на протяжении более ста лет. И почему армянский язык? Объяснение тут простое: у армян особое отношение к Нансену, поскольку именно благодаря его гуманитарной деятельности в 1920-х годах армянам удалось избежать голода, а также смягчить последствия кризиса, бушевавшего в переполненной беженцами Армении. Кстати, в том же 2006 году на армянский была переведена гораздо менее известная книга «Эва и Фритьоф Нансены», написанная дочерью великого человека Лив Нансен Хейер (первое издание – 1954 г.) Другими словами, для того или иного перевода могут существовать уникальные для данной культуры предпосылки, свидетельствующие о существовании транснациональных связей между определенными фрагментами общественного сознания разных стран.

Тур Хейердал также пользуется спросом в Армении, как, впрочем, и во всем мире. Его классические и сравнительно недавно опубликованные книги по-прежнему переводятся на самые разные языки мира, что может служить лишним подтверждением его статуса самого известного норвежца XX века. Хейердал является наиболее часто переводимым и самым продаваемым норвежским автором современности, чьи продажи по всему миру составили 50 млн. экземпляров (второе место занимает Юстейн Гордер с 30 млн., на третьем – Осне Сейерстад с 2,7 млн). В контексте нашего анализа представляется нелишним отметить, что из троих самых продаваемых норвежских авторов за рубежом, двое работают в жанре публицистической и научно-популярной литературы!

Но даже не столь знаменитые норвежцы, как Нансен и Хейердал, пишущие к тому же о гораздо менее необычных явлениях, находят дорогу к иностранному читателю. Вот о них-то мы и поговорим.

Существует небольшая группа ученых с международным репутацией, но при этом предпочитающих публиковаться на родине. Есть и такие, кто печатается на английском языке и их работы широко известны за рубежом, но в данном случае речь о них не идет. Среди указанных выше ученых особым пристрастием к родному языку отличается криминолог Нильс Кристи. Благодаря своим критическим работам, посвященным

тюрьмам и наказаниям, слежке и школе, наркотикам и преследованию слабейших членов общества, Кристи приобрел читателей далеко за пределами небольшого норвежского академического сообщества. Кредо Кристи состоит в том, что если ты не можешь объяснить, что ты делаешь, своей тетке, значит, ты сам этого толком не понимаешь. Его книги написаны простым языком и легко читаются, несмотря на то, что излагаемые факты подкреплены обширной статистикой и тщательными исследованиями. В качестве типичного примера работы Кристи можно привести книгу «Борьба с преступностью как индустрия» (*Kriminalitetskontroll som industri*, 2000), в которой автор отстаивает мысль о дегуманизирующей роли новой политики по предотвращению преступности и ужесточению тюремного режима. Такой подход, утверждает Кристи, не может заставить людей ответственнее относиться к своим поступкам, а наказание представляется бессмысленным.

В какой мере можно говорить о норвежской специфике книг о «идеях, политике и проблемах мирового значения», написанных норвежскими авторами? Я берусь утверждать, что можно. Норвегия представляет собой общество с хорошей организацией, низким уровнем социальных конфликтов, одержимое идеей равенства между полами. Это богатое общество, читающие члены которого стремятся внести посильный вклад в улучшение мира. К тому же, как показала в своем блестящем и убедительном исследовании Нина Витосшек (*Witoszek*, 1998), польский

аналитик культуры, на протяжении многих лет проживающая в Норвегии, норвежское общество возникло и продолжает существовать с сознанием того, что природа является добром и что взаимодействие с природой в значительной мере способствует моральному совершенствованию людей.

Возьмем как пример книги философа Арне Нэсса. Нэсс (р. 1912) считается самым влиятельным представителем философской мысли Норвегии второй половины XX в. Он является основателем движения «глубинной экологии» и автором популярных среди широкой публики книг, как автобиографических, так и методических, пронизанных духом характерного для него аскетизма. Нэсс выдвигает идею о моральной и экзистенциальной важности сосуществования человека с природой без ущерба для окружающей среды. Основным философским трудом Нэсса принято считать «Экологию, общество и стиль жизни» (*Økologi, samfunn og livsstil*, 1974), а в одной из позднейших публикаций «Философия жизни» (*Livsfilosofi*, 1999) философ восхваляет достоинства простоты. Дага У. Хессена, самого известного популяризатора экологического мышления в Норвегии, в какой-то мере можно считать последователем традиции Нэсса, однако при создании своей концепции он опирался и на другие источники. Хессен, доступным языком объясняя обывателю основы экологии, одновременно проповедует любовь к природе. Его последнюю книгу «Природа – какой от нее прок?»

(*Naturen – hva skal vi med den?*, 2008) можно назвать самым личным его обращением к читателю. Это своего рода попытка передать эмоции и состояние духовного просветления, возникающие в процессе суровой жизни под открытым небом.

Другим характерным примером норвежской специфики можно считать «Книготорговца из Кабула» (*Bokhandleren i Kabul*, 2002) Осне Сейерстад, одну из немногих норвежских книг последних лет, которой удалось стать мировым бестселлером. Рассказ Сейерстад о ее жизни в культурной афганской семье, принадлежащей к среднему классу, и описание ее непреходящего возмущения при виде того, как построены здесь взаимоотношения между полами и между людьми в целом, несут явный отпечаток норвежских взглядов на гендерные роли и проблему индивидуального выбора.

Книги, восхваляющие природу и журналистские расследования о «других», наподобие книги Сейерстад, вызывают оживленные дебаты в прессе, на конференциях и на страницах культурных журналов, они имеют своих сторонников и противников. Но как бы то ни было, такие книги относятся к мейнстриму норвежской общественной мысли.

Отдавая дань справедливости, следует признать, что многие книги, выходящие в Норвегии и время от времени переводимые на другие языки, с

таким же успехом могли бы быть написаны в любой другой стране североатлантического блока. Не найти особых признаков провинциальной норвежскости в «Истории Европы» Карстена Алнэсса (*Historien om Europa*, 2003-2007). Ведущий норвежский историк философии Тронд Берг Эриксен с одинаковым мастерством и эрудицией пишет о Данте (1993), Св. Августине (2000), или, если на то пошло, о Фрейде (1991). В высшей степени оригинальная и лирическая книга «Человек музыкальный» (*Det musiske mennesket*, 1989) музыковед Юна-Руара Бьёркволла представляет собой просто опыт восприятия музыки на протяжении разных стадий жизни. Далее, если брать недавние издания, на рекордное количество языков была переведена книга критика и издателя Халфдана В. Фрейхова «Дорогой Габриель» (*Kjære Gabriel*, 2004) – изумительно написанная и глубоко личная история его жизни с сыном, страдающим психическим расстройством. А философ Ларс Свендсен, автор сжатых и точных эссе, в которых обсуждаются философские вопросы, среди них – «Философия скуки» (*Kjedsomhetens filosofi*, 1999), «Философия зла» (*Ondskapens filosofi*, 2001), «Философия моды» (*Mote – et filosofisk essay*, 2003) – дает свое толкование общечеловеческим философским идеям. И этот ряд можно продолжать. Однако если задаться целью выделить характерные особенности норвежской экологии идей, свойственных национальному общественному дискурсу, вряд ли возможно обойти такие центральные темы, как равноправие полов,

природа, социал-демократические ценности, пацифизм, протестантское пуританство, и – если можно так выразиться – некоторое национальное самодовольство.

Олицетворением этого национального духа – и одновременно отрицающим его бунтарем можно считать социолога Йохана Галтунга, который с завидным постоянством низводит роль Норвегии до роли «пятьдесят первого штата США». Галтунг, подобно многим норвежским социологам, пишет в основном на английском, однако свою автобиографию «Йохан – гражданин мира» (Johan uten land, 1999) он решил опубликовать на норвежском. В какой-то мере эта книга читается как каталог внутривосточных распрей, тревожащих спокойствие послевоенного норвежского общества, – споров по поводу помощи странам третьего мира, членства в НАТО, миротворчества и лицемерия.

Немалую долю книг, публикуемых в Норвегии, как и в любой другой стране, составляют учебники для школ и вузов. О них редко говорят в средствах массовой информации, однако их экономическую значимость для издателей трудно переоценить, да и культурное влияние на порядок выше того, что можно было бы предположить, если судить по отсутствию внимания прессы. В последнее время в русле требований политиков к «интернационализации» высшего образования языком научных публикаций стремятся сделать английский в ущерб норвежскому. Однако что касается учебников, то тут число норвежскоязычных изданий с каждым годом только растет. Существуют

стандартные отдельные вводные курсы по общественным наукам, таким как политология, социология и социальная антропология; по социологии и политологии даже несколько, так что можно выбирать. Некоторые из них были переведены не на один иностранный язык. Пользуясь заслуженным авторитетом пособия Юстейна Грипсруда «Культура и общество масс-медиа» (Mediekultur, mediesamfunn) в 2007 г. было переведено ни более ни менее как на венгерский. В 2003 г. на болгарский перевели «Науку о чтении» Хельге Юрхейма (Lesningens vitenskap, 2001). «История философии» Гуннара Ширбека и Нильса Гилье (Filosofihistorie, первое издание 1980) была переведена на множество иностранных языков, и, пока книга готовится к восьмому переизданию, список этих языков постоянно растет. Тот факт, что норвежские учебники для вузов путешествуют по миру в разных языковых обликах служит лишним доказательством высокого уровня норвежского высшего образования, не уступающего мировым стандартам.

Некоторые книги находят за рубежом свою особую нишу. Если армян, похоже, интересует все, что связано с Нансеном, то во Франции наблюдается активный спрос на книги о бывшей французской колонии на Мадагаскаре. Таким образом в 2006 г. нашла французского издателя книга «Смыслы Мадагаскара» (1999) Эйвинда Дала, а книга «Человек, власть и рынок» Петера Нурманна Вогге (Mennesket, makten og markedet, 2002), представляющая оригинальное развитие идей Рудольфа Штейнера, была переведена на немецкий для реализации в Швейцарии, стране, где наблюдается чрезвычайно высокий интерес к антропософии.

Но есть и книги, не поддающиеся никакой классификации. Возьмем к примеру путевые заметки по США журналиста Бьёрна Габриельсена «Лютефиск в прерии» (Lutefisk på prarrien, 2001; Лютефиск – это очень странное и на взгляд многих, неудобоваримое блюдо норвежской национальной кухни). Помимо прочего, в книге в увлекательной форме описаны встречи автора с американскими норвежцами, однако чем она могла вызвать интерес французского издателя, заказавшего в 2007 г. ее перевод, сказать трудно. В 2005 г. в Великобритании издали «Сборник печалей, тт. 1-4» (Tristesser i utvalg, 1993-1999) социолога и копирайтера Нильса-Фредрика Нильсена («печаль» здесь – мизантропический афоризм). А чем объяснить неожиданный перевод книги философов Йоргена Горе и Эйстейна Шостада «Гарри Поттер – волшебник-философ» (Harry Potter – en filosofisk trollmann, 2006) на польский в 2007 году?

Книжный мир отличается исключительным разнообразием, специализацией и диверсификацией. Очень немногим книгам удается затронуть некую универсальную общечеловеческую струну, или появиться в нужное время в нужном месте, или иным образом подпасть под общий знаменатель. Многим норвежским книгам удается достичь большого успеха на родине, как у критиков, так и у читателей, однако повторить потом этот успех за границей у них не получается. Гораздо более редки случаи, когда норвежские книги пользуются широкой известностью за рубежом, оставаясь при этом практически неизвестными на родине. Международный бестселлер, принадлежащий перу норвежского автора, – это редкое явление. «Мир

Софи» Юстейна Гордера, или если брать пример из области публицистики, «Книготорговец из Кабула» Осне Сейерстад – скорее исключения из правила. В список пятидесяти самых переводимых авторов мира, который был составлен ЮНЕСКО, вошли только два скандинавских писателя, – Ханс Кристиан Андерсен и Астрид Линдгрен.

Это совсем не значит, что нам не удалось добиться успехов. От разнообразия норвежской нон-фикшн просто дух захватывает, и на удивление большое количество наших книг находят путь на полки зарубежных магазинов и библиотек. В XXI веке все больше норвежцев будет писать книги для широкого читателя на английском языке, однако у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что норвежский сохранит статус полноправного языка на протяжении еще многих поколений. С точки зрения статистики продаж, норвежские книги редко становятся коммерческими хитами. Как бы то ни было, то же самое можно сказать о большинстве книг, публикуемых в любой стране. Только два процента от огромного числа книг, ежегодно выходящих в США (и подавляющее большинство их – не переводы) продаются в объеме, превышающем 5000 экземпляров. Однако это совсем не означает, что остальные девяносто восемь процентов – убыточные или никому не нужные книги. Будь то учебник по транспортной логистике, руководство по экологическому выращиванию тыквы или история датско-норвежской работоторговли, они тоже находят своего читателя. Более того, отнюдь не все книги писались с целью завоевать дальние страны. И в этом нет ничего плохого.

Перевод Елены Рачинской

N O R L A

P.O.Box 2663 Solli
NO-0203 Oslo
Tel: +47 23 27 63 50
Fax: +47 23 27 63 51
e-mail: firmapost@norla.no
www.norla.no

